

правки и пометки, имеющиеся почти на каждой странице рукописи.

Достоевский был близко знаком со всеми тремя переводчиками «Слов верующего». Логично предположить, что он знал и о существовании перевода всей книги Ламенне и о планах использования его в пропаганде, но утаил это во время следствия, являя тем пример мужества и высокого понимания товарищеского долга. Сказанное Достоевским на следствии о Миллюкове как о человеке бессерьезном, балагуре и остролове — не более чем способ выгородить одного из переводчиков памфлета.⁸ Стремление Достоевского таким способом отвести удар от Миллюкова становится очевидным, если сопоставить слова писателя с показаниями самого Миллюкова, дошедшими до нас и хранящимися в ЦГВИА и пока не опубликованными.⁹

Как профессиональный литератор, Достоевский несомненно, высоко ценил литературную работу своих друзей, в том числе конспиративных переводчиков западных социалистов. Думается, что на такого рода литературное дело, связанное с подготовкой пропагандистских документов, и намекал Достоевский в ночной беседе с Майковым незадолго до ареста в 1849 г.

Текст перевода «Слов верующего», сделанный тремя петрашевцами, помогает уточнить наши представления об утопическом социализме петрашевцев, об их мучительных поисках социалистических идеалов, более точно определить отношение к христианскому социализму и Ф. М. Достоевского накануне ареста.

Подробный анализ подготовленного петрашевцами перевода памфлета аббата Фелисите Робера де Ламенне «Слова верующего» и вытекающих отсюда выводов будет дан нами в специальной работе.

ПИСЬМА А. Е. ВРАНГЕЛЯ К ДОСТОЕВСКОМУ

Письма Врангеля (№ 1—12) печатаются по подлинникам: ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, № 63.

Врангель Александр Егорович, барон (1833—после 1912 г.), дипломат, юрист и археолог. Окончив в 1853 г. Лицей и прослужив, по настоянию отца, год в Министерстве юстиции, он выбрал себе службу в только что учрежденной Семипалатинской области, куда и отправился на должность областного прокурора. Сам он писал об этом: «Меня особенно тянуло в эти дальние, неведомые страны моя страсть к наукам, к естественной истории, к путешествиям и к охоте» (Врангель А. Е. Воспоминания о Достоевском в Сибири. 1854—1856 гг. СПб., 1912. — В дальнейшем: *Врангель*). Перед отъездом Врангель встретился с М. М. Досто-

⁸ Это показание Ф. М. Достоевского приведено в кн.: Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М., 1971.

⁹ ЦГВИА, ф. 801, оп. 84/28, д. 55, ч. 101.

евским, с которым был знаком, и тот поручил ему «передать брату письмо, немного белья, книги и 50 рублей денег» (*Врангель*, стр. 11). С этого началась активная роль Врангеля в деле постепенного улучшения положения Достоевского в Сибири, возвращения его сначала в Тверь, а потом и в Петербург. Врангель вовлек в эти хлопоты обширный круг своих высокопоставленных знакомых и родственников (подробнее см.: П., I, 517—518, а также: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, т. I. М., 1964, с. 244—245), а для начала ввел его во многие дома в Семипалатинске; так, например, благодаря ему Достоевский «сделался своим человеком» в доме военного губернатора Спиридонова, который его «искрепно полюбил»; «сделался домашним человеком даже у своего батальонного командира Беликова» (*Врангель*, с. 25); бывал вместе с Врангелем по вечерам у полковника Мессароша и в доме начальника округа, и т. д.

Позднее, отправляясь в качестве секретаря начальника экспедиции к берегам Восточного Китая, Японии и к устью Амура, Врангель тревожился о Достоевском, спрашивая у М. М. Достоевского: «Ради бога, что делает и где брат Федор?» Письмо заканчивается просьбой обнять и поцеловать его, «ибо он мой брат и друг» (Лит. наследство, т. 86, с. 376). Достоевский тоже горячо привязался к Врангелю и «полюбил его очень». Письма 1855—1859 гг., в которых писатель рекомендует друзьям и знакомым «своего молодого друга», дают, как нам кажется, значительный материал исследователям творчества Достоевского. Некоторые герои его последующих произведений будут наделяны чертами семипалатинского прокурора (см. об этом ниже, в комментариях к публикуемым письмам). Так, несомненно, внешность Врангеля, а также отдельные факты его биографии (например, его признание в том, что он «мало понимал тогда по-немецки» и не любил «этого языка» — *Врангель*, стр. 21; его рассказ о характере отца) отразились в образе Эркеля в «Бесах» (ср. с черновым наброском к III части романа: «...лицо у него было прехорошенькое и кроткое, даже как будто умное <...> Говорят, что покойный отец его был человек строгий и сумасшедший. [Он же был уже православный по матери, и вряд ли хорошо знал по-немецки]» (12, 19).

Чрезвычайно тонкая характеристика молодого Врангеля содержится в письме Достоевского к А. Н. Майкову от 18 января 1856 г. Эта характеристика значительно дополняется строками из письма Достоевского самому Врангелю (из Семипалатинска от 9 марта 1857 г.): «...характеры, как у вашего отца, — странная смесь подозрительности самой мрачной, болезненной чувствительности и великодушия <...> Мне кажется, что вы такого же характера, тоже больны сердцем и душою, и если в вас еще не развилась мнительность и подозрительность, то не было случая, или еще рано, то есть разовьется потом. Зато у вас болезненно развилась чувствительность...» (П., I, 215, 216). Намеки на тя-

желый характер Врангеля довольно часты (см., например, письмо к М. Д. Исаевой из Семипалатинска от 4 июня 1855 г. — П., I, 154).

И конечно же, человек, обладающий таким характером и, в частности, такой чувствительностью, не мог не ощутить изменившегося уже в начале 60-х годов отношения к нему Достоевского. И, наконец, поэтому переписка внезапно обрывается на целых четыре года, после чего Врангель сам пишет Достоевскому письмо, в котором напоминает ему «о прежней горячей дружбе», пытаюсь возобновить былые отношения (см. письмо № 6). Из этого письма интересно извлечь автохарактеристику Врангеля как семипалатинского периода (двадцатипестилетнего красавца, «вертопраха, шатавшегося без цели по белому свету», «в погоне за мечтами», так и того времени, когда он стал «положительным», «честным службистом», «добрым отцом семейства», довольным женою и детьми, службой и начальством (письмо № 6). И не в этой ли перемне причина столь резкого охлаждения Достоевского к прежнему другу? Переписка, однако, на некоторое время возобновляется: после второго напоминания Достоевский пишет Врангелю обстоятельное, искреннее письмо, рассказывает ему о смерти брата и жены (письмо от 31 марта 1865 г.); а в октябре этого же, 1865 г., он гостит у Врангеля в Копенгагене и делится с ним планами на будущее, приглашает его печататься в задуманной «Эпохе» (см. письмо № 9). В этом же году Врангель одолжил Достоевскому денег, и последующая переписка в значительной мере свелась к вопросу о возвращении этого долга. Для Достоевского Врангель попал в ряд докучливых кредиторов (см. письмо к А. Г. Достоевской из Гомбурга от 17 мая п. ст. 1867 г. — П., II, 6). В последний раз они встретились через семь с лишним лет, в 1873 г. в Петербурге. Достоевский зашел вернуть долг. Врангель писал позднее об этой встрече: «Время и долгая разлука, конечно, положили свою печать на наши отношения, к тому же в этот день он показался мне раздраженным и нервным: куда-то торопился. О прошлом ни слова; он даже не сказал мне, что он вторично женился и как идут дела его...» (Врангель, с. 219).

В 1908 г. Врангель закончил свои воспоминания о том Достоевском, «каким знал его в Сибири в пятидесятых годах, хотя несчастного, больного, но еще не падломленного, бодрого и сильного духом» (Врангель, с. 36). Он подробнейшим образом описал и «жизнь <...> Достоевского бессрочным солдатом в Семипалатинске», и различные круги семипалатинского общества в их отношении к Достоевскому; он беспристрастно обрисовал «цвет» общества, в котором «мужчины пили, ели, играли, скандалили и ездили по гостям к богатым татарам», а «жены сплетничали»; он вспомнил едва ли не обо всех лицах, которые имели какое-либо отношение к писателю — от генерал-губернатора Г. Х. Гасфорта до красавицы цыганки «Ваньки-Таньки» и слуги самого Вран-

геля Адама, сшившего Достоевскому «первое штатское платье»; он отметил такие мелочи, например, что Достоевский любил цветы и не любил охоты, что, будучи «в хорошем расположении духа, он любил декламировать, особенно Пушкина», и что, когда он читал «Пир Клеопатры» («Египетские ночи») «лицо его <...> сияло, глаза горели» (Врангель, с. 28, 33). Интересны портреты Достоевского времени ссылки, которые даны в книге Врангеля. Приехав в Семипалатинск с письмами, посылками и поклонами, Врангель послал за Достоевским, который, войдя, «был крайне сдержан». «Он был в серой солдатской шинели, — продолжает мемуарист, — с красным стоячим воротником и красными же погонами, угрюм, с болезненно-бледным лицом, покрытым веснушками. Светло-русые волосы были коротко острижены, ростом он был выше среднего. Пристально оглядывая меня своими умными серо-синими глазами, казалось, он старался заглянуть мне в душу, — что, мол, я за человек?» (Врангель, с. 17). Иным выглядит Достоевский, когда вместе с Врангелем «ретиво» занимается цветниками в их маленьком «Казаковом саде»: «Ярко запечатлелся у меня, — пишет Врангель, — образ Ф«едора» М«ихайловича», усердно помогавшего мне поливать молодую рассаду, в поте лица, сняв свою солдатскую шинель, в одном ситцевом жилете розового цвета, полинявшего от стирки; на шее болталась неизменная, домашнего изделия, кем-то ему преподнесенная длинная пепочка из мелкого голубого бисера, на цепочке висели большие лукообразные серебряные часы. Он обыкновенно был весь поглощен этим занятием и, видимо, находил в этом времяпровождении большое удовольствие» (Врангель, с. 44). С любовью Врангель рисует Достоевского во время первой их прогулки в степь, когда ему удалось уговорить того сесть верхом на лошадь («самую смиренную»): «По-видимому, это довелось ему в первый раз, — пишет он, — и как он ни был смешон и неуклюж в роли кавалериста, в своей серой солдатской шинели, но скоро вошел во вкус, и мы с ним делали верхом длинные прогулки в самый бор, в окрестные зимовья и в степь...» (Врангель, с. 46). Совсем другим представляется Достоевский, сбросивший солдатскую шинель, когда они с Врангелем отправились в Змеиногорск по приглашению генерала Гернгросса: «Ф«едор» М«ихайлович» был на этот раз фронт хоть куда. Впервые он снял свою солдатскую шинель и облачился в сюртук, сшитый моим Адамом, серые мои брюки, жилет и высокий стоячий накрахмаленный воротничок. Углы воротничка доходили до ушей, как носили в то время. Крахмаленная манишка и черный атласный стоячий галстук дополняли его туалет» (Врангель, с. 88).

Публикуемые ниже письма Врангеля хотя и охватывают период в десять лет (с 1856 по 1867 г.), относятся в основном ко времени возвращения Достоевского с каторги; они являются комментарием к чрезвычайно важным для биографии писателя его письмам к Врангелю; сопоставленные с многочисленными фак-

тами из книги воспоминаний Врангеля, эти письма представляются существенными не только для биографии писателя, но и для уточнения творческой истории ряда его произведений.

1

А. Е. Врангель — Достоевскому

9 октября 1856 г. Мыза Терпилицы

Поздравляю Вас, мой добрый Федор Михайлович. Вы третьего дни произведены в офицеры¹ и всем этим и что еще будет обьязаны Тотлебену² и Ольденбургскому.³

Вы удивлены получить от меня еще письмо и, вероятно, полагали меня уже за тридевять земель; простите, друг мой, меня за это долгое молчание. Я получил все Ваши письма и не отвечал, во-первых, потому, что решительно не мог ничего сделать, о чем Вы просите;⁴ да, кроме того, я сам был в таком грустном положении, что хотя совесть часто мучила, что не пишу Вам, но все-таки этого не делал. Скажу Вам, во-первых, что я назначен секретарем эскадры, которая идет кругом света, для дипломатической переписки, и отправляюсь в путь в июне 1857 г., получая содержание в 2100 рублей и совершенно свободен. Я решился взять это место и не ехать обратно в Сибирь по многим причинам. 1-ое: Гасфорт⁵ перевел меня в Омск и отказал место судьи; 2-ое: Х... хотя и желала очень моего возвращения, но Маркиз что-то очень часто бывал у нее, и она несколько не старалась его удалить, он даже едет скоро в Барнаул. Странная, непонятная это женщина, я уверен, что она любит меня, а между тем как-то стыдилась в этом признаться; уверяла, что равнодушна к Маркизу и принимала от него сотенные подарки и делала его своим *fascium*.⁶ Много я перестрадал за нее, много испортил крови и благодарю бога, что судьба нас разъединила, а между тем грустно вспомнить, что ее уже нет; в мучениях любви есть какое-то попятное блаженство. Ваши опасения насчет Маркиза сбьлись, мы разорвали бы друг друга если бы не умное вмешательство Х... Уезжая, она подарила мне свой портрет, и я обещал, что буду через 1½ года в Барнауле, возвращаясь с Амура в Россию; она должна уже быть в Барнауле;⁷ я жил все лето в Петергофе и проводил дни с утра до вечера с нею, когда же 4 сентября она уехала, то я отправился в деревню и остаюсь здесь до конца октября, а потом по приезде моих из-за границы еду в город и остаюсь там всю зиму. Вашего брата я с июля не видал, знаю, что он здоров, ибо был раза два у меня не заставая дома;⁸ Гасфорта не видал до сих пор и только дня четыре тому назад встретился с ним на бале, который давало дворянство царю, разговор был холоден и пуст, так что я не мог говорить с ним о будущем

супруги Марьи Дмитриевны; денег, душа моя, у меня самого нет ни копейки, и я не знаю еще, когда вышлю свой долг Степанову⁹ в 114 рублией «серебром», но офицерские вещи я Вам вышлю, а брат Ваш приплет Вам денег, если уже не выслал; Вы еще получите от Гернгросса¹⁰ мой чемодан, возьмите его себе со всем, что в нем есть, а именно: рубашки, подштанники, столовое белье; простыни, носки, фуляр и платье — оно Вам пригодится. Теперь мне пужна новая экипировка, и я уверен, что Вы поймете, что я даю это Вам как брат и друг от доброго сердца. Тоже писал я ему выслать Вам мою постель походную. Взяли ли вы самовар, посуду и кастрюли для себя у Степанова? Я Тотлебена не видал, он снова уехал за границу, но только что приеду в город, то все разузнаю и подробно напишу. Скажите теперь, что Вы думаете делать и по желаете ли быть переведенным, напишите мне все подробно, и даю Вам честное слово, что буду хлопотать и по возможности стараться исполнить Ваши поручения. Как Ваше здоровье и расположение духа? что делает Марья Дмитриевна? в каком положении ее дела и отношения с Вами? что Семипалатинск и его обитатели? Я с отцом своим в самых лучших отношениях и, вероятно, буду зимой в Екатеринбург и Ирбите; ах, душа моя, сердце замирает, когда вспомню, что это так близко от Барнаула и Вас. Я видел здесь Марковникова, Спаского и Фридерикса всех на балу на одну минуту, что это всё за дурачьё!¹¹ На днях представлялся Константину Николаевичу, человек весьма умный и *m'a éblouit par ses connaissances en fait de géographie et d'histoire des voyages*;¹² и, кроме дипломатической переписки, получил поручения своего предшественника Гончарова,¹³ дай-то бог только силы исполнить все хорошенько и не ударить лицом в грязь. Ради бога пишите, как поживаете и что подельваете. Есть у меня до Вас большая просьба — умоляю, спасите мои книги и возьмите их у Степанова, я, если нужно, напишу ему об этом. Гернгросса книги, как-то *Hoffmanns Werke* и несколько французских романов, перешлите ему, а мне пока вышлите *Фауну русскую* и все, что относится до Сибири и путешествий, и вот как сделайте это: укупорите и попросите кого-нибудь, кто поедет на Ирбитскую ярмонку, взять это с собой и в Ирбите отдать какому-нибудь знакомому купцу, едущему чрез *Казань* или Екатеринбург, с тем чтобы он сдал их там в конторы вольных почт наших для пересылки мне. Особенно прошу Вас спасти мне фауну и китайские безделицы и мипералы. Пришлите мне список книг, я напишу, что желал бы иметь и что передать Вам в потомственное владение. Получили ли Вы мой портрет чрез *Madame X*?

Здесь все тихо и смирно; все это время только и говорили о коронации, праздниках, новых назначениях и перемехах. В продолжение 1½ месяца Петербург был пуст, хоть шаром покати, зато теперь опять полон и на всяком шагу видишь иностранцев. Гвардии пехота вся уже перевезена, а кавалерия будет только около 15-го ноября; в составе армии большие перемены, между

прочим, полки будут состоять из 4-х эскадронов. Между Россией и Францией большая симпатия, но зато против Англии общая ненависть; отец пишет мне, что надо удивляться, какая внезапная любовь за границей овладела всеми немцами и французами к нам и как все ненавидят Англию; я думаю, что мир долго не продолжится, впрочем, это общее мнение. На днях был въезд государя в Питер; я нарочно поехал смотреть и до сих пор поражен этим великолепием; это богатство экипажей, сбруй и мундиров встречается только в волшебных сказках и в рассказах «Тысячи одной ночи». Погода была чудная, и пароду сотни тысяч. Три дня продолжалась иллюминация, и дворянство дало банкет, стоивший 32 тысячи. Я тоже был на нем; вообразите, что теперь мода одевать хамов в парики и в шелковые чулки. С государем на днях чуть-чуть не случилось несчастья; он ехал на пароходе в Кронштадт и столкнулся с другим пароходом; к счастью, что он секунды три до этого сошел с палубы в каюту со свитой, чтоб закутить. Все же, кто остался наверху, пострадали кто контузией, кто рапой; военный министр ушиб затылок и теперь, вероятно, сделается совершенно глуп. Грей сломал ногу, один офицер кувырнулся за борт и теперь еще кушается. Это случилось уже во второй раз за это лето с государем.

Что сказать Вам про правление — все любят и преданы царю, не только здесь, но и за границей. Он так добр, так умен, жаль только, что у него нет людей, на которых мог бы надеяться наверхяна. Говорят, что интриги в ходу, и граф Баранов и Адлерберг делают, что хотят,¹⁴ — государь слишком доверчив и легко верит всем этим придворным лицемерам. Ростовцев¹⁵ был в немилости это время и чуть-чуть не сломил себе голову; теперь опять помирились, и дело кончилось строгим выговором à l'amiable.¹⁶ Этот косноязычный меценат слишком зазнался и вследствие какой-то просьбы Николая Николаевича написал тому предерзкое письмо, а тот пошел к государю с этим документом и жалобой. В эту историю примазался великий князь Константин Николаевич, его заклятый враг, и ну пилить Ростовцева, но он слишком толст, и, попилив немного, они отстали. Большая часть царской семьи едет за границу, и Марья Николаевна едет; elle a épousé secretement Stroganoff et on dit que ce mariage sera publiquement declare au peuple; au moins à la *чрзб.* elle ne le cache à personne.¹⁷

Заграничная кампания для постройки железных дорог в России утверждена, в ее главе Ротшильд, Перейра, Шиглиц и другие знаменитости финансов. Кроме того, образовалась еще другая из американцев. На днях ушла наша эскадра в Средиземное море; сначала и я с своим корветом должен был идти туда на зиму, по слава богу, остаюсь еще эту зиму со своими. Кланяйтесь очень Спиридонову и Лямоту,¹⁸ а также ветрогону Демчинскому, его острота насчет моих писем — единственная у меня вещь, которую он когда-либо сказал, dites lui ça de ma part.¹⁹

Пишите мне, друг мой, о себе и сибирских моих знакомых; что делает Беликов, Ячница, благородный Армстронг, и плут полицеймейстер Яковлев жаждает ли по-прежнему, и Мессарош плутует ли?²⁰ Все это меня если не интересует, то занимает. Головинский Ваш был последнее время у своего отца в деревне, но я не знаю, прощен ли он или был только в отпуску;²¹ Кашкин давно офицер.²² Вы не поверите, как я счастлив, что судьба Ваша наконец переменялась, теперь Вам много надежд и все *верных*; Вам кланяется Иванов,²³ он первый сообщил мне эту новость на балу царском в Дворянском собрании, а потом принц Ольденбургский, кот(орый) тоже хлопотал. Обнимаю Вас, друг мой, и желаю счастья и душевного спокойствия; пишите скорей, что Вы желаете, чтоб здесь сделалось в Вашу пользу, я опять сердечно рад стараться. Будьте здоровы и не беспокойтесь о будущем. Бог все устроит, и царь наш милостив; только что приеду в город, все развезу, всех увижу и обо всем подробно Вам сообщу. Еще раз заочно обнимаю Вас и прошу тысячу раз прощения, что долго не писал. Преданный Вам Александр Врангель.

Мыза Терпилицы

1856. Октября 9-го. P. S. Приберите мои бумаги и письма, которые лежат между книгами.

¹ Речь идет о приказе 26 декабря 1856 г., по которому унтер-офицеру Достоевскому присваивался чин прапорщика (приказ о производстве его в унтер-офицеры вышел 20 ноября 1855 г.).

² В своих «Воспоминаниях» Врангель называет «главным ходатаем» за Достоевского генерал-адъютанта графа Эдуарда Ивановича Тотлебева (1818—1884), «товарища» писателя по Инженерному училищу и инженерной службе». В этих хлопотах принял участие и младший брат Тотлебева Адольф, с которым Достоевский прежде дружил. Именно Э. И. Тотлебен, действуя через князя Орлова и прочих сильных петербургского мира (Врангель, с. 192—193), в 1859 г. добился для Достоевского «высочайшего разрешения» жить в Петербурге.

³ После Тотлебева Врангель обратился к принцу П. Г. Ольденбургскому (1812—1881), воспользовавшись тем, что тот помнил его еще по Лицею. Позднее Врангель отметил, что П. Г. Ольденбургский был «наиболее всех полезен Достоевскому». Именно он передал стихи Достоевского на коронацию и заключение мира (2, 409—410) императрице Марии Александровне (Врангель, с. 78, 194).

⁴ Врангель писал, откликаясь на многочисленные просьбы Достоевского: «Он как-то совершенно упускал, что я сам, маленький сибирский чиновник, молококос, не мог двинуть разом его дела, да и многие мои родственники, занимавшие хотя высокие посты, все же ничего поделать для ускорения этого дела, конечно, не могли...» Этого Достоевский, изнемогавший от неопределенности своего тяжелого положения, как натура крайне нервная, возбужденная, не понимал... (Врангель, с. 192).

⁵ Гасфорт Густав Христианович (1794—1874), генерал-губернатор (с 1851 г.) Западной Сибири и командующий отдельным сибирским корпусом. По определению Врангеля, личность «беспечетная», «пуст и глуп» (Врангель, с. 9, 12); эта характеристика совершенно соответствует тому, что писалось о Гасфорте в «Колоколе» (л. 72, 1 июня 1860 г.).

⁶ правая рука (лат.).

⁷ «X» неоднократно упоминается в переписке Врангеля и Достоевского (см., например, письмо Достоевского из Семипалатинска от 9 марта 1857 г., а также его письмо к М. М. Достоевскому от 13 января 1856 г.). Как видно из следующих ниже писем, речь идет о Е. И. Герингроссе, о которой Врангель иронически писал позднее: «... героиня моя была на 15 лет старше меня, имела шесть человек детей, что, впрочем, не мешало ей пускать своих в глаза выписываемыми ею парижскими туалетами и из поклонников своих вить веревки» (*Врангель*, с. 53). Ситуация «Врангель — X», несомненно, нашла отражение в повести «Вечный муж» (см.: 3, 494—495; 9, 472—474).

⁸ Врангель был знаком с М. М. Достоевским (см.: *Врангель*, с. 14).

⁹ Степанов — кузнец, хозяин дома, у которого Врангель снимал квартиру.

¹⁰ Герингросс Андрей Родионович, горный генерал, главный начальник Алтайского округа, в барнаульский период друг Врангеля, человек «образованный, любезный и гуманный» (*Врангель*, с. 62).

¹¹ См. об этом в ответном письме Достоевского от 9 ноября 1856 г. (II, I, 195—199).

¹² Он меня обворожил своими познаниями в области географии и истории путешествий (*Франц.*).

¹³ И. А. Гончаров исполнял должность секретаря при адмирале Е. В. Путятине во время экспедиции на фрегате «Паллада» (с сентября 1852 по июль 1854 г.).

¹⁴ Имеются в виду граф Э. Т. Баранов, родной брат тверского губернатора П. Т. Баранова, и В. Ф. Адлерберг, министр императорского двора (с 1852 по 1872 г.). С. Ю. Витте писал о них: «Граф Баранов был сыном графини Барановой, воспитательницы императора Александра II. Прежде она была просто дама, называвшаяся Баранов, а впоследствии же была переименована в Баранову, и ей был дан титул графини. Эта самая графиня Баранова была вместе с тем и другом графа Адлерберга; как известно, граф Адлерберг был также другом императора Александра II» (Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960, с. 126).

¹⁵ Речь идет о Я. И. Ростовцеве (1803—1860), который с первых лет царствования Александра II принимал деятельное участие в подготовке крестьянской реформы как член секретного и главного комитетов, а с 1859 г. как председатель редакционных комиссий.

¹⁶ дружески (*Франц.*).

¹⁷ Она тайно вышла за Строганова, и говорят, что об этой женитьбе будет объявлено публично, но крайней мере она этого ни от кого не скрывает (*Франц.*).

¹⁸ Спиридонов Петр Михайлович, полковник, военный губернатор Семипалатинской области, по словам Врангеля, «добрейший человек, простой, гуманный и в высшей степени хлебосол» (*Врангель*, с. 25). Врангель ввел Достоевского в его дом, и «вскоре Спиридонов искренно полюбил Достоевского...» где только мог ему помогать. «Пример, данный военным губернатором, — продолжает Врангель, — открыл Достоевскому доступ ко всему высшему обществу богоспасаемого града Семипалатинска» (там же).

Лямот (Ламот), поляк, военный врач, был выслан по политическим мотивам в Семипалатинск на службу. На его имя поступали письма для Достоевского.

Демчинский — адъютант Спиридонова.

¹⁹ Скажите это ему от моего имени (*Франц.*).

²⁰ Беликов (Белихов), командир батальона, в котором служил рядовой Достоевский.

Ячница — лицо неустановленное, вероятно, один из семипалатинских знакомых Врангеля и Достоевского.

Армстронг, начальник таможенного округа, по словам Врангеля, «гордый, падутий немец». «Он выступал, как павлин, любуясь собой, ни на минуту не забывая своего высокого положения, ни у кого никогда не бывал, всех и вся ругал и презирал...» Достоевский его ненавидел,

острил на его счет и иначе не называл, как «благородный Армстронг» (*Врангель*, с. 27).

Яковлев Н., семипалатинский полицмейстер, позднее — автор воспоминаний о семипалатинской жизни Достоевского (газета «Сибирь», 1887, № 80).

Мессарош, полковник, командир линейного казачьего полка, в доме которого по вечерам бывали Врангель и Достоевский. Врангель писал позднее: «Это был человек довольно воспитанный, с замашками на аристократизм, холостой» (*Врангель*, с. 26). В доме Мессароша Достоевский наблюдал «страшную» карточную игру (сам он тогда, как и Врангель, «карт в руки не брал») и даже участвовал в организованной Мессарошем псовой охоте (*Врангель*, с. 46).

²¹ Головинский Василий Андреевич (р. 1829), петрашевец. Как участник дуэровского кружка, был приговорен к расстрелу, но по конфирмации отпущен в Оренбургский линейный батальон рядовым. В 1851 г. был переведен в Кавказский корпус. В правах был восстановлен в 1857 г.

²² Кашкин Николай Сергеевич (1829—1914), петрашевец, также приговоренный к расстрелу, но по конфирмации назначенный рядовым в Кавказский корпус.

²³ Иванов Константин Иванович (ум. 1887), подпоручик, с 1856 г. адъютант штаба генерал-инспектора по инженерной части, принимал участие в судьбе ссыльного Достоевского. О его жене, дочери декабриста Анненкова, Врангель писал: «Г-жа Иванова была чудная, добрая женщина, высокообразованная, защитница несчастных, особенно политических. Ф. М. Достоевского она и ее мать знали еще в Тобольске, куда его привезли в начале 1850 года, после приговора...» В Тобольске г-жа Иванова снабдила Ф. М. бельем, книгами и деньгами. Продолжала она свои заботы о нем и в Омске...» Когда я в 1856 г. возвращался в Петербург, то Ф. М. горячо поручал мне побывать у нее и поблагодарить за все добро, оказанное ему...» (*Врангель*, с. 13).

2

А. Е. Врангель — Достоевскому

29 сентября 1859 г. Петербург

29 сентября 59 г. С.-Петербург.

Пишу, друг мой бесценный, Вам только несколько строчек, так мало времени и так много дела; простите, что сейчас не отвечал, надо бы дня на два уехать по делу за город, увидеть Вашего брата, узнать, где и что Тотлебен, и прочее.¹ Приехать в Тверь сейчас невозможно, сегодня ожидаю из Парижа отца² с сестрами, должен ему сдать кучу его дел и четыре имения, а это не шутка, в конце же этой недели еду на 14 дней с ним по имениям. Итак, увидимся не ранее трех недель. Тотлебен здесь, очень болен, но все-таки пришлите письмо ему на мое имя,³ все, что возможно, будет сделано, я даже уверен в полном успехе. Пока я не еду, а, кажется, остаюсь зиму здесь, следовательно, будет времени поболтать и вспомнить прошедшее, грустное и приятное. Мы с X... сошлись, холодная дружба, по крайней мере с моей стороны, хотя она, кажется, и не прочь начать прошедшее — может быть и ошибаюсь.⁴ Боб переведен сюда, но теперь уехал на три месяца в Сибирь.⁵ Как был я рад узнать, что Вы в Твери. Со вре-

мени нашей разлуки у меня не было такого друга, как Вы, да и не с кем было отвести сердца — это моя вечная болезнь, которая сильно меня мучит. Сошелся я с одною прекрасною женщиною, ангелом, но муж ее ревнует, мучит ее и меня, и даже нам не позволено душа в душу болтать на балах. С отцом дела мои лучше, особенно важны для меня эти дни, что он скажет: *я один выиграл и спас ему 150 тысяч рублей серебром* — даст ли он мне хоть несколько сот, чтобы устроиться в Питере.

Как Ваше здоровье, что Марья Дмитриевна, Ваня⁶ ... Боже мой, сколько нам надо переговорить и вспомнить; очень, очень кланяюсь Марье Дмитриевне.

Quant à moi, je suis resté le même, tantôt triste a battu, silencieux, tantôt rièvre et gaie comme un polisson de deux ans. Chez moi tant dépend d'un rien, d'un ciel gris, d'une mouche qui bourdonne, d'une parole lancée au hazard — tellement je suis nerveux. Je me sens malade, aigrie et vieux ou plutôt blaize ce qui est pire.⁷

Сожалею, что не могу Вас принять, когда Вы приедете в Питер, к себе — у меня, душа моя, за душою нет даже своей кровати! Все на биваках и у добрых людей — когда-то наконец и я пристроюсь и успокоюсь. Прощайте — до свидания, обнимаю Вас всех, Ваш друг

Александр Врангель.

Буду скоро писать.

¹ См. письмо Достоевского к Врангелю от 22 сентября 1859 г. (II, I, 253).

² Врангель Егор Петрович, барон, генерал-лейтенант, в 1856—1865 гг. попечитель Виленского учебного округа. В молодости был дружен со многими из декабристов (см. об этом: *Врангель*, с. 191).

³ См. письмо Достоевского к Э. И. Тотлебену от 4 октября 1859 г. (II, I, 259—260).

⁴ См. письмо 1, примеч. 7.

⁵ Боб — семипалатинский знакомый Достоевского и Врангеля. См. упоминание о нем в письме Достоевского к Врангелю из Семипалатинска от 9 марта 1857 г. (II, I, 248).

⁶ Врангель ошибочно называет Ваней сына Марии Дмитриевны Пашу.

⁷ Что до меня, то я остался прежним, то грустным, унылым, молчаливым, то смешливым и веселым, как двухлетний шалунишка. Во мне столько зависимости от пустяка, от серого неба, от жужжащей мухи, от случайно брошенного слова — так я нервен. Я чувствую себя больным, озлобленным и старым, или же пресыщенным, что еще хуже (*франц.*).

3

А. Е. Врангель — Достоевскому

25 октября 1859 г. Петербург

25 октября 1859. С.-Петербург.

Несколько дней, что воротился из деревни, и виноват, друг мой, что до сих пор не отвечал,¹ только третьего дня узнал, что Тотлебен говорил об Вас с Долгоруковым, показывал ему Ваше

письмо и получил от него обещание сделать все; теперь хорошо было бы если б и Вл. Адлерберг отдал Ваше письмо государю. И просил Баранова узнать, что сделали с ним (т. е. с письмом), но граф не скоро увидит Адлерберга, который теперь со двором в Гатчине.² Будьте спокойны, все говорят, что надо ожидать успешного исхода делу, и скоро мы увидимся. Я теперь решительно не могу отлучиться из Питера — да не к чему, ибо, вероятно, со дня на день обнимем здесь друг друга; был у Вашего брата, он тоже говорит, что не стоит теперь ехать. Конечно, все это не очень-то говорит в мою пользу, но, душа моя, у меня, право, есть к тому причины довольно уважительные. Я остаюсь здесь, вероятно, всю зиму; на прошлой неделе чуть было не уехали с поручениями в Пекин и Японию — искали по городу, а я был в деревне — бог знает, к лучшему ли это. Настает зима — трудное для меня, ради многих обстоятельств, время; с отцом пока так себе хорошо, но все это до первой вспышки, до первого столкновения — а это так легко. Старик мой пустился в дела более прежнего, поручает все чужим людям, действует наобум, а ко мне ни на грош доверия и внимательности — бог знает, чем все это еще кончится.

Благодарю бога, что насчет службы я доволен и спокоен; нет большой ответственности, и дела немного. Правда, и карьера не блестящая, не всякому же быть министром или послом. Много найдете вы здесь друзей и приятелей — между прочим, милый Полоцкий очень желает с Вами познакомиться³ — это золотая душа; он теперь болен и недавно выдержал болезненную операцию. С Х. я сошелся, как сходятся всегда старые друзья, но задушевного, опасного ничего нет; что прошло — не возвратится; душа моя слишком пуста, святой огонь угас в ней, кажется, навсегда, и *серьезных* привязанностей (увы) я уже не в состоянии более чувствовать. Грустно самому в этом сознаваться — страшно даже, но, кажется, со мною это так. Я могу увлекаться, страстно и пламенно на два дни не более. В этом отношении сердце мое превратилось в какой-то физический закон: чем более напряжения, тем скорее сила ослабевает. Вот Вам и молодость! 26 лет, нет надежд и упований! А кому я этим обязан?.. себе, отцу и двум женщинам, которых горячо, безумно любил — то есть тем, в которых хранились все мои надежды и возможность счастья. Вам, как другу, надо бы рассказать второе мое приключение с Z., pendant к X..., драме, разыгранной в Баден-Бадене публично, наделавшей много шума в Питере и на водах, по это долго, да и грустно, а потому откладываю до первого свидания. Скажу только, что после двухлетней разлуки женщина эта явилась сюда — я ежеминутно *готов* ее встретить, но где и как — не знаю, и встреча будет страшна нам обоим.

К удовольствию моему, слышу, что Тверь Вам теперь не так скучна; говорят мне, что у Баранова⁴ там служит мой друг и товарищ Федор Львов,⁵ познакомьтесь с ним, — он чиновник особых поручений, как и Дмитрий Болховской. С нетерпением

жду появления Вашего романа. Помните, хотели Вы еще в Семипалатинске описать наши сибирские мучения и выставить, мне на показ, мой характер.⁶ Недавно с такою же просьбою обратился ко мне Полонский, свидетель и поверенный моих баденских бедствий.

От души благодарю за спасение моих книг и ковра, вышитого еще покойной матерью, — я очень ценю их. Не нашли ли Вы в ящике или чемодане кое-какие охотничьи принадлежности, минералы и древности?

Брат мой выходит завтра первым или вторым из военной Академии и поступает обратно в Конно-Гвардию. Я буду жить с ним, а не с отцом. Кланяйтесь Марье Дмитриевне, радуюсь очень скоро Вас увидеть. Пишите, ради бога, и будьте спокойны, все уладится к лучшему.

Преданный друг

А. Врангель.

¹ Врангель отвечает на письмо Достоевского от 4 октября 1859 г. (II, I, 261—262).

² Речь идет о хлопотах по переезду Достоевского в Петербург.

³ Знакомство Достоевского с Я. П. Полонским вскоре состоялось и перешло в дружеские отношения. В 1861—1864 гг. Полонский печатает свои стихи и поэмы в журналах «Время» и «Эпоха».

⁴ О П. Т. Баранове в «Колоколе» писалось как о «человеке истинно благородном, желающем добра и сочувствующем всему хорошему» (л. 65—66 от 15 марта 1860 г.).

⁵ Львов Федор Николаевич (1823—1885), офицер лейб-гвардии Московского полка, преподаватель (с 1847 г.) Павловского кадетского корпуса, петрашевец, член дуровского кружка. Был приговорен к расстрелу, но по конфирмации получил 12 лет каторги и отбывал ее сначала в Нерчинском округе, потом в Александровском серебро-плавильном заводе. С 1856 г. жил в Иркутске на поселении. Достоевский упоминает о нем в письме к М. М. Достоевскому из Омска от 22 февраля 1854 г. (II, I, 140).

⁶ Как отметил комментатор, речь, вероятно, идет о замысле «Весенняя любовь» (3, 539). Действительно, в этом замысле могли отразиться какие-то стороны отношений Врангеля—Достоевского («красавчика князя» и «литератора»). В их отношениях не все было столь гладко, как это изображает Врангель в «Воспоминаниях». Так, объясняя М. Д. Исаевой, почему он не может жить вместе с Врангелем, Достоевский подчеркивал разницу характеров: «2. Мой характер. 3. Его характер» (Семипалатинск, 4 июня 1855 г. — II, I, 154). Не случайно и однажды вырвавшееся (правда, много лет спустя) досадливое восклицание «...все эти Врангели (II, II, 6). Ср. в «Весенней любви»: «Знатный МГ, богатый и его прищипник, сдять», «Литератор имеет нравственное влияние над князем, а тот пад ним физическое, денежное (и мстит ему за нравственное влияние бессознательно)». «Идея» девочки, невесты, напоминает историю с ученицей Достоевского, 17-летней красавицей Мариной О., дочерью ссыльного полка, которая «усиленно конетничала и задорно заигрывала с своим учителем» (Врангель, с. 82) и к которой очень ревновала Достоевского Мария Дмитриевна. (Марина была выдана замуж за «старого, необразованного хорунжего» Семипалатинского казачьего полка, который, чтобы спасти свою честь, «запирал Марину, а чтобы она не могла выбраться из дома через окно, он ставил ее на колени спиной к комоду, клал косы ее в ящик, комод задвигал, запирал на замок, а ключ уносил с собой» (Врангель,

с. 83). Это напоминает намерения чиновника из «Весенней любви»: «Она будет доброй женой. Женясь, я тотчас же приму необходимые меры...» (3, 446).

4

А. Е. Врангель—Достоевскому

9 ноября 1859 г. Петербург

Немедленно по получении Вашего письма, друг мой Федор Михайлович, я написал несколько строчек Тотлебену, приложив и Ваше ему послание, и отправил на следующее утро с человеком.¹ Сам я уже две недели что лежу дома больным. Эдуард Иванович передал мне, что на другой же день будет ответ, который я до сих «пор» жду и который удерживает меня писать Вам. Вот прошло 4 дня, а ответа нет, да и какой это должен быть ответ? Я ничего не спрашивал, а только очень вежливо благодарил его за все, что он так благородно делает моему другу. Я думаю, что Вы, имея в руках письмо Тотлебена о согласии Тимашева и Долгорукова на Ваше водворение в столице, смело можете теперь приехать сюда хотя бы на короткое время, чтобы лично переговорить с этими господами; думаю даже, что гр<аф> Баранов сам посоветует это.

Скажу, друг мой, дома и никого не вижу; на днях был брат Ваш у меня, да все это на такое короткое время, что и поболтать некогда; уф, Питер! Питер! Такой омут, что и самого незаметно затянет. Сегодня распространился слух, что будто бы Франция объявила войну Англии!!! Что-то сильно не верится. В городе только и говорят о ссылке Безобразова; вероятно, и у Вас в Твери знают все подробности этой мелодрамы прогресса, свободы и... всего, о чем мы мечтаем, на что так много падемся.² Скажу одно — эта история à fait de M-r Besobrasoff une retenue qu'on regrette beaucoup quoique au fond c'est un grand cochon pire que lui-même.³

Читаю еще раз «Обломова», чудо как хорошо! а есть, подумаешь, господа, которые ругаются!!⁴ Что Вы подельваете, что пишете? Жду с нетерпением появления Вашего романа; не узнаю ли в нем знакомые личности; помните, как в Сибири Вы собирались всё писать и себя, и Х., и меня — да жду наших портретов.⁵

Сегодня обещались быть кое-кто, провести вечер. Жду и Полонского, а по тому должен кончить письмо, чу! уже звонят... прощайте, душа моя, жму крепко Вашу руку и прошу кланяться Марье Дмитриевне.

Вам преданный друг и брат А. Врангель.

9-го ноября 59, вечером.

¹ В этом письме Врангель писал Э. И. Тотлебсу: «...поездка в деревню лишила меня удовольствия лично вручить Вашему превосходительству письмо друга и товарища моего Ф. М. Достоевского. Мой дядя, генерал Мандерштерн, исполнив это поручение за меня, передал мне и Ваш ответ, своевременно сообщенный мною в Тверь. Ныне ради болезни снова не могу иметь честь пожать Вашу руку за все, что Вы так благородно, великодушно готовы были сделать для несчастного человека, не имеющего ни связей, ни опоры. Не знаю, как и благодарить Вас, Эдуард Иванович, за добро, оказанное моему другу, который, конечно, достоин его и на деле постарается оправдать Ваше к нему доверие и ходатайство.

Прилагая при сем письмо на имя Вашего превосходительства, я прошу дозволить мне по выздоровлению лично явиться к Вам, чтобы сообщить некоторые подробности, касающиеся Ф. М. Достоевского, в судьбе которого Вы приняли такое горячее участие...» (ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 236).

² В конце 1859 г. реакционная дворянская оппозиция, во главе которой стояли М. А. Безобразов и граф В. П. Орлов-Давыдов, подала записку на имя Александра II. Записка была направлена против Редакционных комиссий и в ней содержались возражения против основных положений крестьянской реформы, уже одобренных государственным аппаратом. В результате 4 ноября этого же года М. А. Безобразов был уволен со службы и ему запрещено пребывание в столице (см.: Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II, т. II. Берлин, 1861, с. 93—109, 202—254).

³ Эта история сделала из господина Безобразова скромника, о котором очень сожалеют, хотя в сущности это большая свинья, если не хуже (франц.).

⁴ Роман «Обломов» был напечатан в первых четырех книгах «Отечественных записок» за 1859 г.; в этом же году он вышел отдельным изданием. Вскоре после его появления «С.-Петербургские ведомости» отметили, что роман «возбудил, при появлении своем, беспощадные толчки, которые не совсем замолкли еще и теперь <...> Этот роман принадлежит к числу произведений, о которых долго не перестают говорить и о которых слышатся самые противоположные суждения» (1859, № 289). Об отношении к нему критики и различных кругов русских читателей 60-х годов см. в кн.: Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М., 1950, с. 192—214.

⁵ См. примеч. 6 к письму 3.

5

А. Е. Врангель — Достоевскому

29 февраля 1860 г. Петербург

Дорогой Федор Михайлович, не был я у Вас потому, что всё еще не выхожу из своей комнаты, но если доктор позволит мне выезжать, то в среду буду у Вас.

Будьте так добры, посмотрите и доправьте I часть моей статьи с Мыса Доброй Надежды — она у Вашего брата и спросите его, сказал ли он Майкову возвратить мне рукопись о княжне Екатерине Таракановой, которую я дал ему года три тому назад.¹ Кланяйтесь Марье Дмитриевне — хорошего должна она быть обо мне мнения.

Преданный Вам от души Александр Врангель.

Воскресенье.

На конверте: В 3-ью роту Измайловского полка в доме Полибина.

Датируется 29 февраля 1860 г. по почтовому штемпелю: «29 фев(р)аля 1860».

¹ Судьба статей Врангеля неизвестна.

6

А. Е. Врангель — Достоевскому

10 (22) ноября 1861 г. Копенгаген

Копенгаген 10 (22) ноября 1864.

Добрейший друг Федор Михайлович, Вы будете, быть может, удивлены получить от меня, после четырехлетнего молчания, эти строки. Часто я вспоминаю нашу прежнюю горячую дружбу, часто собирался писать и всё откладывал в долгий ящик, и, о стыд, промолчал три с половиною года! Три раза добирался из Турции (где служил) до Берлина, надеясь обнять вас, моего незабвенного друга, и всякий раз вследствие непредвиденных обстоятельств — не добирался до цели. «Кто старое помянет — тому глаз вон». Забудем же это долгое взаимное молчание и потолкуемте вместе душа в душу, как это бывало в прошлые годы в степях отдаленной Сибири в старой избушке или в моем развалившемся palazzo, на берегах Иртыша. Часто, друг мой, вспоминаю я про наши длинные, как те дни горя и тоски, беседы, при всей тогдашней грустной обстановке эти воспоминания прошлого имеют для меня свою прелесть. А для Вас? Я боюсь этого нескромного вопроса, не зная решительно ничего о Вашем настоящем положении и чувствах.

Недавно из Бухареста меня перевели сюда, и я очень доволен быть в среде скучных, но образованных датчан; к тому же я близко от родины, и в три дня могу приехать в Питер, куда и собираюсь будущее лето с женою и детьми. Да, вот я и pater familiae.¹

Женитьба меня, говорят, очень переменяла, я не тот вертопрах, шатавшийся без цели по белому свету, — сделался более положительным, и уже более не гоняюсь за мечтами. У меня добрейшая жена, добрая мать семейства, с которою Вы, вероятно, познакомитесь летом; двое деток, портреты коих прилагаю, растут, надеюсь, на нашу радость. Служба моя идет стесненно вперед, начальство приятное, есть средства — одним словом я доволен; одно, что грустно, это вечно торчать в чужом круге, без друзей, без родных и вдали от родины, которая со всеми своими неприятностями — все-таки моя милая родина.

Ради бога, напишите мне кое-что о себе и о Ваших; Вы не поверите, с каким терпением я ожидаю это письмо. О смерти Мих(айла) Мих(айловича) я узнал из газет,² не говоря об огромной потере, понесенной семейством, — много потеряло в нем и наше литературное общество, а всего более Вы — это ведь был Ваш верный друг и брат. У меня было столько занятий на Востоке, что я совершенно отстал от нашей литературы, теперь дело другое, времени много, и я с рвением собираюсь читать всё. Начинаю просьбою выслать мне Ваши последние произведения и в особенности «Записки из Мертвого дома». Где Валиханов? — дайте мне его адрес;³ передайте поклон Полонскому и Майкову и вышлите мне непременно свой портрет и адрес. Пишите мне по следующему адресу *конец письма утрачен*

¹ отец семейства (*лат.*).

² М. М. Достоевский умер 10 июля 1864 г. (см.: Русский инвалид. 1864, 12 июля, № 155). М. М. Достоевский вступил на литературное поприще в конце 40-х годов. В 1848 г. в «Отечественных записках» появились его повести «Дочка» и «Господин Светешкин», рассказ «Воробей», а также перевод поэмы Гете «Рейнске-Лис»; в «Библиотеке для чтения» он поместил перевод драмы Шиллера «Дон-Карлос». Позднее вышли его рассказы «Два старичка. Из воспоминаний праздного человека», повесть «Пятьдесят лет», комедия «Старшая и меньшая» (см.: Собр. соч. М. М. Достоевского в 2-х томах. Изд. «Паптеон литературы», 1915).

³ Врангель с большой симпатией описывает «молодого, премилого офицера-киргиза» Валиханова, который познакомился с Достоевским в Омске у Ивановых и очень полюбил его» (*Врангель*, с. 95). Об Ивановых см. примеч. 17 к письму 1.

7

А. Е. Врангель — Достоевскому

23 апреля (5 мая) 1865 г. Копенгаген

Копенгаген, 5 мая 1865.

Душевно благодарю Вас, добрейший мой друг, за длинное и обстоятельное письмо Ваше.¹ Грустные новости передаете Вы мне: никогда не мог я думать, что в эти 4 года разлуки Вы пережили столько мучений. Правда, я начинаю быть фаталистом и верить, что есть люди, коих судьба — вечное горе в сем мире. Как смели Вы предполагать даже, что я сердился на Ваше молчание? Я никогда не сомневался в Вашей искренней дружбе и объяснял это тем, что — или письма мои не дошли, или особенные обстоятельства не дают Вам времени писать. К счастью, последнее предположение оправдалось. Трудная выпала Вам доля, вся жизнь Ваша полна лишений и борьбы. Ваше горе сильно меня оскорбило, а еще более, что я не могу помочь другу, даже обнять Вас и ободрить словами, глаз на глаз. Но я уверен, что с Вашим характером и энергией Вы выпутаетесь.

Благодарю за предсмертный поклон Марьи Дмитриевны, мир праху ее! Всё, что Вы говорите об ней, — подходит отчасти и к моим отношениям с женою; и мы любим друг друга, понимаем, что не можем жить друг без друга — а между тем внутренне чувствуем, что наши натуры, взгляды на жизнь, идеи, привычки так розны, что, право, удивляешься, как два такие существа могут жить вместе и в мире.

Моя Анюта болезненно-первая жепщина, воспитанная с principes russe, без всякого понятия о жизни, лишениях. Она полагает, что жизнь дана для удовольствия и счастья; борьба с судьбою ей непонятна, малейшее усилие к тому ее страшит, а между тем материальная обстановка моя очень незавидна. Я работаю, отказываю себе во многом и стараюсь забыть, заглушить черные мысли. Но об этом будем говорить при первом свидании, и в письмах ни слова. Мне трудно сказать Вам, счастливы или несчастлив я. Дети мои меня утешают — кроме их ласк (?) я слышу только ропот на судьбу, вздохи и слезы да незнакомые лица докторов. Вы первый, друг мой, кому я высказал тайну моей жизни. Меня мучают еще две вещи. 1-ое) Самовольное изгнание из России, где всё, что я люблю: родные, деревня, друзья и материальные интересы. К несчастью, изгнание это продолжится долго, быть может всегда. Жена ненавидит Россию, не выносит климат Петербурга; к тому же я не могу бросить службу ради жалованья. 2-ое) Я чувствую себя одиноким — нет не только друга, но и человека, с которым мог бы поговорить. Со времени нашей разлуки я сошелся с двумя личностями — обе были мои сослуживцы в Бухаресте; один был мой начальник Гирс — теперь посланник в Тегеране, другой — старший драгоман; но и с теми судьба разлучила.

Я отправляю семейство мое в конце мая в Питер, в деревню к отцу моему; сам же собираюсь в отпуск только в начале июня с. г. и, конечно, буду у Вас; скажите только свой адрес. Как рад буду я видеть Вас в Копенгагене, не говори уже о приятности свидания — город представит Вам много интересного, музеи здешние замечательны, местность вдоль Зунда красива, Швеция — рукой подать. Вы, конечно, остановитесь у меня, и вместе мы вспомним о прошедшем... какое интересное слово: прошедшее!!

Настоящая деятельность моя служебная — нуль: не то было на Востоке в Придунайских княжествах. Подвигаюсь я туго, ибо не привык гнуть спину пред Горчаковым,² лыстий сильным мира сего, торчать в передней и пресмыкаться в Министерстве, в Петербурге, в сей клоаке интриг, мерзостей и nepotизма.

Впрочем, отношения мои с начальством и товарищами хороши, и со времен Семипалатинска я ни с кем не ссорился и не ругался. Природа наградила меня великой дозой *терпения*, немцам, которое так ненавидят Катков и «С.-Петербургские ведомости», и я пойду тихо вперед с божьей помощью.

Поздравляю с новыми законами о прессе; если бы вышли ранее, то помогло бы немного Вашему журналу.³ Чем объяснить апатию публики к литературе? Я, к стыду своему, совершенно отстал от нее; зато усердно читаю всевозможные русские газеты, ссоры и дразни коих мне падосми; нравственные многих мне не нравятся — особенно Москвы. Виолне согласен, между прочим, что немцы консерваторы до глупости (в Остзейских провинциях), что в нашем веке эти бароны-юнкеры непонятны, невозможны, первый бы отправил их в Японию или Китай — но согласитесь, что это не дает права ругать *все* немецкое, вселять зависть и раздор.⁴

Второе, что меня удивляет, — это желание иметь всё разом, не разработав то, что имеем.

Третье, что правительство и общество заботится только о внешней обстановке, для виду, а внутри — хоть шаром покати.

Вообразите: я недавно только прочел, проглотил Ваши «Записки из Мертвого дома». Прекрасно! Как хорошо схвачен характер русского человека! Сколько правды, сколько пользы принесла эта книга в отношении бедных *несчастных*. Читая ее — и вспомнил наши долгие беседы в Семиналатинске — всё это были личности, мне известные из Ваших рассказов. Описали ли Вы в Ваших романах нашу семипалатинскую жизнь? Вы ведь собирались это исполнить.

Кланяйтесь Папе и жене Вашего покойного брата, если она меня помнит. Дай бог устроить Вам их дела. Жду с нетерпением карточку и лучше самого Вас.

Судя по Вашему письму, Вам непременно нужно проветриться, съездить за границу, забыть на время заботы, освежить голову и здоровье. Продайте журнал, продайте право издания Ваших сочинений и развяжите себе руки; остальное выплатится малопомалу новыми трудами. Я бы на Вашем месте поселился на несколько лет за границею и на покое, среди чудной природы Италии или Швейцарии — начал бы писать не из-под палки, как Вы говорите, а *con amore*, по вдохновению.

Прощайте, друг мой, дай бог, чтобы письмо это застало Вас в лучших обстоятельствах, нежели прежние. Отвечайте мне подробно обо всем и более подробно о самом себе. Я и забыл Вам сказать, что 5 дней после свадьбы моей отец мой потерял 300 тысяч (рублей) «серебром», что тяжело отозвалось и на мне; деньги были у купца Меняева, который обанкротился на три миллиона. Говорят, что лет чрез 10 воротят, а пока трудно, очень трудно. Всякому из нас нужно нести свой крест. Оттеок, который положила на меня семейная жизнь, — большая доза философии и терпения — в остальном (говорят друзья) я не переменялся; каков был, таким и останусь.

Прощайте, не забывайте и пишите чаще и подробно.

Ваш старый друг А. Врангель.

Отрывок из письма от слов: «Вообразите: я недавно только прочел, проглотил, Ваши „Записки из Мертвого дома“ — из Ваших рассказов», — напечатан М. Р. Ланским (Лит. наследство, т. 86, с. 376) с неверной датой: 8 мая 1867 г.

¹ Речь идет о письме Достоевского из Петербурга от 31 марта — 14 (26) апреля 1865 г. — П., I, 396—403.

² Горчаков Александр Михайлович, князь (1798—1883), дипломат, с 1856 г. министр внутренних дел, впоследствии (с 1867 г.) государственный канцлер.

³ Имеются в виду «Временные правила о печати», принятые 6 апреля 1865 г. (см.: Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904). По этим правилам столичные периодические издания освобождались от предварительной цензуры с подчинением их административной и судебной ответственности. Правила входили в силу с 1 сентября 1865 г.

⁴ Чрезмерно большая роль, которую играли иностранцы в русской жизни, вызывала протест в печати. Так, неоднократно, эта тема поднималась в «Искре» (например, 1863, № 9; 1864, № 18. — См.: Ямпольский И. Сатирическая журналистика 1860-х годов. М., 1964, с. 241—245). Автор «Ежемесячной хронике» «Вестника Европы» несколько позднее определял основные причины враждебного отношения общества именно к немцам. «Неприязнь эта, — писал он, — отчасти происходит от всем известных причин исторических: был период нашей истории, в котором Бироны, Минихи, Остерманы и их клеветы тяжело ступали по головам русского народа, для проложения себе необыкновенной карьеры. Отчасти предубеждение к немцам может объясниться историческою борьбою рас, отчасти, наконец — скажем прямо — и завистью к несомненному превосходству немцев над нами во многих отношениях. Как бы то ни было, по общему „немецкому“ вопросу у нас быть не может. В своем общем виде он тотчас разрешается двумя практическими правилами: подражать немцам в том, чем они нас превосходят, и не оказывать немецкой национальности предпочтения в государственной службе» (1868, № 2, с. 397).

8

А. Е. Врангель — Достоевскому

11 (23) сентября 1865 г. Копенгаген

Копенгаген. 11/23 сентября 1865 г.

Добрейший и многоуважаемый Федор Михайлович, несколько дней тому назад я приехал из России и вчера получил отсюда целый пук писем, которые меня уже не застали в Петербургском нашем имении, между прочим и Ваше послание с просьбою выслать денег. Вы ставите мне срок 7/19 сентября, после которого не хотите, чтобы высылал, а потому прошу Вас мне ответить немедленно: *нужны ли еще деньги или нет*. Сколько могу — вышлю, хотя я в настоящую минуту крепко сама нуждаюсь. Беда, застигшая Вас, — не редкость в Висбадене, и я, живший там год, так утрачен был этими примерами, что бегу всегда рулеток, как черт от лапана.¹ В Цюрих я Вам давно писал. Как выпутались Вы из скверного положения, отчего не обратились Вы к Янышеву?²

Если мы не увидимся этот год, то, наверное, в будущем; я намерен каждое лето ездить в Россию, хотя провел прескверное лето в деревне. Вообразите себе, что 2/14 августа было 2° морозу!! А здесь стоит чудная погода, как у нас в июле.

Я каждый день ожидаю приращения семейства; жена очень слаба и утомлена путешествиями из Петербурга по железным дорогам. В настоящее время у меня гостят ее две сестры, чему я рад, — для жены это большое развлечение.

После 4-х летнего отсутствия из Петербурга — я нашел мало перемен: грязно и сально; много пьяных, много резонируют, кричат, а практического смысла очень мало. Но и то хорошо, что просыпаются и есть тенденции к лучшему.

Я, вероятно, останусь еще год в Копенгагене, а потом буду переведен в Германию; хотели было предложить мне 1-го секретаря в Португалии или Бразилии, но добрые люди предупредили меня отказом.

Могу ли я надеяться увидеть Вас у себя? Если Вы приедете после 8/20 октября, то буду просить остановиться у меня, если же ранее, то паду в отеле, ибо я переезжаю на новую квартиру, где много придется передельывать. Вы отсюда на пароходе в четыре дни в Петербурге, и это в три раза дешевле, нежели по железным дорогам: 1-ое место 3 фунта.

Бог знает, где и когда это письмо застанет Вас. Надеюсь, что добрые люди помогут и Вы снова спокойны. От души желаю Вам счастья, здоровья и спокойствия и в ожидании письма крепко жму Вам руку.

Ваш старый приятель А. Врангель.

¹ Врангель писал об этом: «В 1865 году, вернувшись как-то из моего летнего отпуска в Копенгаген, я нашел отчаянное письмо Достоевского из Висбадена. Оказывается, он проигрался там в пух и прах. Положение его было безвыходное, денег ни гроша; теснят, грозят и требуют со всех сторон, — он был в полном отчаянии. Эта новая страсть Достоевского — к игре — была для меня полной неожиданностью. В Сибири, где так развито было картежничество, он карт в руки не брал» (*Врангель*, с. 215).

² Янышев Иоанн Леонтьевич (1826—1910), богослов, духовный писатель и церковно-общественный деятель. С 1858 до 1864 г. был священником православной церкви в Берлине и Висбадене (подробнее о нем см.: Достоевский и его время. Л., 1971, с. 278). Достоевский обращался к нему с денежной просьбой и деньги получил (см. письмо его к Янышеву из Петербурга от 22 ноября 1865 г. — П., I, 424—426).

А. Е. Врангель — Достоевскому

3 (15) ноября 1865 г. Копенгаген

Копенгаген 3/15 ноября 1865 года.

Добрейший Федор Михайлович, вот уже четыре недели, что Вы нас покинули,¹ и еще ничего не сообщили, как Вы доехали и что поделяваете.² Я уверен, что путешествие морское было совершенно благополучно, но Ваше молчание заставляет меня думать, что в Петербурге у Вас бедна дела и неприятностей. Ради бога, напишите, как идут дела, как Ваше здоровье и удались ли те планы, о которых мы вместе толковали. Конечно, я предвижу Вам много трудностей, но умоляю Вас не падать духом, не в такой Вы бывали пикуре и выплывали же на воду, и дело шло хорошо.

Несколько дней после Вашего отъезда жена моя родила дочь, Екатерину. Жена была очень больна; сначала воспалением, которое остановили, потом болями в груди, которые заставят прибегнуть к операции. На 16-ый день она встала и опять слегла в постель; теперь ей лучше, и я надеюсь, что все прошло. Она вам очень кланяется и очень сожалеет, что не могла проститься при отъезде.

У вас, вероятно, морозы, снег и зима, грязная, пасмурная, петербургская. Здесь еще очень хорошо, и сегодня день весенний, так что мы ходим без пальто. Жизнь ведем мы монотонную, как часы, и я решительно не знаю, о чем и говорить. Если финансы Ваши поправятся, то вышлите мне пальто и шед, а то я замерзну эту зиму; жаль, что Вы не могли это сделать с пароходами; это стоило бы безделицу; теперь придется обратиться к контору Комиссий. Во всяком случае справьтесь, есть ли еще пароходы из Кропитадта. У 10-ой линии Васильевского острова — отходят «Trave» и «Neva» в Любек всякую субботу; в таком случае адресуйте в Любек au Consulat de Russie, m-r Mittertrusen pour remettre au Baron de Wrangel à Copenhague. Пошлите пакет капитану парохода.

Получили ли Вы Ваши вещи из Франкфурта? Что поделявает Папа и Ваш больной брат?³ Я надеюсь, что Вы не забыли передать наш поклон Е. П. Ковалевскому?⁴

Прощайте, добрейший друг, надеюсь скоро получить от Вас весточку, и дай бог хорошую; главное — прошу не унывать и заботиться о своем здоровье.

Ваш старый и верный друг А. Врангель.

Если издание предполагаемого журнала состоится — то напишите мне, пригодится ли Вам статейка (переводы) из *Reichmann's Geographisches* сборника и других современных обзоров.⁵

¹ Врангель писал о пребывании у него Достоевского: «Приехал он ко мне 1-го октября, прожил у меня неделю, очень понравился моей жене и много возился с двумя моими детьми <...> Очень радостна была наша встреча; всплыли, конечно, воспоминания о Сибири, о «Казаковом саде»; о наших сердечных увлечениях и пр., и пр. Много говорили и о покойнице Марии Дмитриевне, и о красавице Марине О., которую так ревновала к нему его жена. Невольно в откровенной дружеской беседе коснулись и его семейной жизни и странных, мне непонятных и по сию пору, взаимных отношений супругов» (*Врангель*, с. 215).

² См. ответ Достоевского на это письмо (из Петербурга 8 (20) ноября 1865 г. — П., I, 423—424).

³ Речь идет о Н. М. Достоевском.

⁴ Ковалевский Егор Петрович (1811—1868), путешественник и писатель, государственный деятель, председатель Литературного фонда, секретарем и членом которого (с 1863 г.) был и Достоевский.

⁵ О «предполагаемом журнале» см. в письме Достоевского к Врангелю от 8 (20) ноября 1865 г. (П., I, 423—424). На предложение Врангеля о присылке переводов Достоевский не ответил.

10

А. Е. Врангель — Достоевскому

5 (17) декабря 1865 г. Копенгаген

Копенгаген, 5/17 декабря 1865.

Не отвечал Вам, добрый друг, сейчас на Ваше письмо¹ вследствие хлопот по разным случаям, о которых не стоит и говорить. Главное — жена моя была 7 недель очень больна — теперь, слава богу, лучше. Зато я сам пролежал семь дней в постеле. Записку Вашу и счет с парохода я получил только три недели тому назад и заплатил фунт. Сегодня ожидаю вещи из Любека, о которых уже предуведомлен и душевно благодарю Вас за их высылку — очень кстати, ибо здесь начинаются холода. Все, что вы сообщаете о себе и о делах Ваших, — весьма неутешительно; главное — Ваше здоровье; ради бога, берегите себя. Пишете Вы мне о советах Полонского насчет предполагаемой субсидии и журнале. Вам обоим лучше знать, что делать, но я полагаю, что Ваше имя доставит Вам всегда подписчиков и приготовить публику нечего: она Вас давно знает. Главное выхлопотать право издавать журнал или газету под своим именем. Насчет субсидии — советую все-таки попробовать — чем черт не шутит! Я пропую Вам еще раз свою старую песню: лучше верный рубль, нежели миллион в надежде; а потому умоляю Вас, ищите место, службу, у правительств или частное — все равно, лишь бы был верный кусок хлеба. Ведь у русского человека, и особенно в Петер-

бурге, довольно свободного время, чтоб заниматься исподволь своими делами. Говорят, теперь у нас ищут, нуждаются в дельных людях; отчего же Вам не достать места, когда Майков, Полонский etc. имеют таковые?

Семейство Вашего брата дососет Вас; я думаю, что Вы уже довольно для них сделали; пусть сыновья и братья теперь помогают сами матери и сестре.

Я должен послать жену на берега Рейпа — в Висбаден. К несчастью, нет денег, и я не знаю, что делать. Авось удастся сколотить копейку. Напишите подробно о себе, о Ваших планах, делах и кредиторах.

Боже мой, как осрамилось наше дворянство в деле Шипинского по фальшивой монете!

Я рад, что в этом грязном деле нет немецкого имени — а то бы нас, ваша братия литераторы, заели. Помните ли наши разговоры? Неужели я не был прав, говоривши о русском дворянстве, — когда предводители его, выборные, сливки, сходятся с врагами родины поляками, с жидами и армяшками, чтобы в виде фальшивых монетчиков обирать свою братию и подрывать кредит России! И эти люди смеют порицать всё, ругать Запад и подымать раздор племен в России.²

Прощайте, дай бог Вам здоровья, счастья и веселых праздников.

Пишите чаще, да подробнее.

Ваш друг А. Врангель.

Жена очень кланяется.

¹ Речь идет о письме Достоевского из Петербурга от 8 (20) ноября 1865 г. (П., I, 423—424).

² В «Голосе», в разделе «Внутренние известия», излагалась «любопытная» корреспонденция «О подделке серий в Харьковской губернии», причем особенно подчеркивалось, что в подделке оказались замешанными лица, принадлежащие к дворянскому сословию (например, предводитель дворянства, князь Кудашев с товарищем, несколько «недорослей-дворян»). Во главе дела были «два ловкие поляка» — Шипинский и Житинский (подробнее см.: «Голос» 1865, 14 и 17 октября, № 284 и 287).

А. Е. Врангель — Достоевскому

31 января 1866 г. Копенгаген

Копенгаген, 31 января 1866.

Добрейший Федор Михайлович, Ваше долгое молчание очень меня беспокоит и удивляет.¹ Что делается с Вами! Больны ли Вы, или просто так завалены работою, что нет свободной минуты? Из двух возможностей я предпочитаю последнее. Вы, конечно, получили мое последнее письмо. Вещи (часть) пришла, и я доплатил 4 риксталера за присылку их из Берлина. У Вас осталась зимняя шапка, камачи и фланелевые панталоны и фуфайка, которые мне, впрочем, и не нужны. Простите мне за эту смелую аккуратность. Как идут Ваши дела и что скажете Вы о моих советах в последнем письме. Я все-таки того же мнения, что необходимо служить Вам правительству или частному лицу, чтобы иметь верный кусок хлеба.

Что сказать Вам о себе: я почти со дня Вашего отъезда не переставал возиться с докторами. Жена была очень больна, опасно больна, и теперь помаленьку выздоравливает. Все дети, люди и я сам перехворали вследствие сырой, теплой, отвратительной зимы. Мы еще не видали ни снега, ни морозов, а вчера весь день молнии и гром, и это в конце января на севере?! Из газет вижу, что почти то же самое и в Питере. Воображаю, что за мерзость там на дворе.

На днях получил настоятельное приглашение отца моего перейти на службу в Россию и посвятить себя управлению имением, но вследствие полного убеждения, что всё это только может повредить моей будущности, — я решительно отказал и решил на многие года продолжать службу по Министерству иностранных дел за границею. С первого раза, не зная всю обстановку дела, Вы, конечно, это не одобрите; это лето мы лично переговорим, и Вы всё узнаете. Я приеду ради имения и переговоров с отцом в июле в Петербург. Вы, конечно, будете там, если Катков не успеет перетянуть вас в Москву. Скажите, пожалуйста, кто редактор газеты «Весть»? Хотя она часто и разделяет взгляды à la Bismarck и всего Junkerthum'a, но часто говорит правду и хорошо отделяет квасной патриотизм многих наших журналистов, корчащих либералов и проповедующих самые деспотические идеи, напоминающие иногда гонения средних веков.² Боже мой, как можно искажать и пачкать самые чистые влечения народа! Неужели наша газетная литература не находит более интересных и благодетельных, необходимых теперь разговоров и прений, — как только восхищаться деяниями фон Кауфмана,³ ругать все немецкое и иностранное, обманывать народ собственным преувеличением своих сил и способностей и

заваливать его хаосом идей новых, ему пока не понятных и только еще более путающих настоящую громадную, так сказать петровскую, ломку всего старого. Мне страшно думать, куда ведет все это, и досадно, что масса как будто бы боится этого газетного гласа, всякий молчит и не смеет вступить в открытую борьбу. А быть может, это просто по русской нашей апатии?

Прощайте, дай бог Вам здоровья и счастья. Жена Вам кланяется. Напишите только два слова, что Вы и где Вы... Получили ли Вы деньги от Каткова?^{4*} Еще раз прощайте.

Преданный Вам А. Врангель.

¹ См. ответ Достоевского на это письмо из Истербурга от 18 февраля 1866 г. (П., I, 430—433).

² «Весть» — газета политическая и литературная, выходила в Петербурге с 1863 по 1870 г. Основателем ее был Н. А. Бездобразов (1816—1867). Редакторами-издателями — В. Скарятин и П. Юмагов. В 1849 г. Н. Н. Страхов писал о «Вести»: «Во всей нашей журналистике она не встречает нигде сочувствия, кроме разве газет, издаваемых поляками и немцами <...> „Весть“ не находит себе точки опоры ни в одном из направлений русской печати <...> эта газета собственно вне русской литературы — вне всяких ее стремлений <...> „Весть“ враждебна всякому прогрессу нашей мысли и литературы <...> она желала бы возвратиться нас к тем временам, когда мы не понимали своих интересов, смотрели на свои дела с чуждых, непримиримых к ним точек зрения» (Заря, 1869, № 7, с. 166). В письме от 9 мая 1866 г. из Копенгагена, говоря о финансовом кризисе в России, Врангель вновь как бы «солидаризируется» со Скарятинным, обвиняющим, например, Каткова в социалистических тенденциях (Весть, 1866, 11 ноября, № 90): «...лучше и честнее, если бы Катков и вся его братия проповедовала не ненависть к Европе, немцам, полякам, etc., не социализм и пигилизм, а ум и разум, за который бы следует взяться всякому отдельно и правительству в особенности».

³ Кауфман Копстаптин Петрович (1818—1882), генерал-лейтенант, с апреля 1865 до октября 1866 г. командующий войсками Виленского военного округа, генерал-губернатор Северо-Западного края. Активно проводил политику полного обрусения Западного края, устраивая продажу русскому населению земель польских помещиков и т. д. Его действия всемерно поддерживали, например, «Московские ведомости». Самоуправство фон Кауфмана было постоянной темой обличительных замечок Герцена в «Колоколе» (см. об этом, например: Герцен А. И. Собр. соч., т. XIX. М., 1960, с. 13, 127, 410).

⁴ В письме от 9 мая 1866 г. из Копенгагена Врангель просит Достоевского вернуть ему долг, если «удалось <...> дело с Катковым».

* Далее зачеркнуто: Говорят

А. Е. Врангель — Достоевскому

1 (13) июля 1866 г. Копенгаген

1/13 июля 1866. Копенгаген.

Добрейший Федор Михайлович, давно собирался писать Вам и всё откладывал по разным причинам.¹ Конечно, Вы меня не осуждаете, да и не думаете, что я сержусь на Вас (как предпо-

лагаете в последнем письме) — на это я не способен. Мое долгое молчание было следствием двух причин: 1-ое: я совершенно было пал духом; ничто мне не удается; денежные дела скверны (ради нашего курса), служба не везет (нет протекции), дома жена больная, раздраженная, вечно недовольная, в городе холера — а я не имею средств даже нанять даченку! Вообразите, что курс пал на 44% — вот вам и мерило прогресса и благосостояния.

Во-вторых: гостили у нас 4 недели великие князья; дела было — гибель — и всё более по-пустому; я же отдувался один, так как 1-ый секретарь в отпуску, а министр живет в деревне, да к тому же идет и свинья. (У него начало болезни разжижения мозга). Наш нынешний наследник — золотая душа и совершенно не глуп, как толковали в Питере. Еще более мне нравятся Владимир и Алексей Александровичи. Когда будет свадьба — богу известно — всё теперь решат в Москве, но кажется, что не ранее будущего лета. В октябре мы снова ожидаем сюда великих князей; я уже буду в Петербурге с моим семейством в конце сентября, и останусь там до начала ноября. Делать нечего — решился расстаться с детьми ради курса. Брать службу в России не хочу по многим причинам, а главное потому, что теперь хотя ты и честный человек и верный подданный — по твоей немецкой фамилии ходу тебе не даст; зависть развила татарский патриотизм, преследующий даже всякое мнение, не сходное с его воззрением. Вы полагаете, что я читаю только заграничные газеты? нет, я читаю все русские газеты и много убиваю времени — впрочем, об этом поговорим при свидании. Катков и Леонтьев опять в силе — конечно, теперь они обвинят в сепаратизме не только немцев, поляков, финляндцев, армян, грузин и т. д., но самого царя... Что за малодушие у нашего правительства. Сегодня так, завтра иначе...

Как Ваши дела; продали ли Вы издание Вашего романа и окончили ли дело с Катковым? Как Ваше здоровье? Где Вы это лето — в городе или на даче? У нас стоят страшные жары — для купанья в море хорошо, но для холеры — тоже; впрочем, больных мало.

Вы просите прислать Вам счет Вашего долга:

1. 100 прус. талеров — 133
2. Дано на пароходе — 50
3. Доплачено — 9
4. За вещи — 4

Датских риксталеров — 196

Если найдутся деньги — пришлите чрез контору Винекен, если же нет — то подожду и до свидания в Питере.² Жена очень Вам кланяется, ей гораздо лучше. Дай бог Вам здоровья и

счастья. Пишите, пишите почаще. Что же Ваша фотографическая карточка — скоро ли будет? Еще раз обнимаю вас крепко.

А. Врангель.

¹ Это письмо является ответом на письмо Достоевского от 9 мая 1866 г. (П., I, 436—437).

² 11 марта 1867 г. Врангель, терпящий крайней нуждой, вновь просит вернуть долг. Этому посвящено и последнее известное письмо его к Достоевскому из Копенгагена от 13 марта этого же года. На все последнее письма Достоевский не ответил, а долг смог вернуть только в 1873 г. Несмотря на такое завершение многолетних отношений, Врангель писал в своих воспоминаниях: «Хотя последние годы и разъединили нас, но я не переставал хранить к нему глубокое чувство любви и уважения» (Врангель, с. 219).